

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

УДК 811

О. В. Куныгина

*Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет,
Челябинск*

ИНТЕРТЕКСТ И ПРИЁМЫ ЕГО ВВЕДЕНИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ (НА ПРИМЕРЕ РАССКАЗА Л. Е. УЛИЦКОЙ «ПИКОВАЯ ДАМА»)

Аннотация: Статья посвящена изучению способам введения интертекстуальных единиц в текст художественного произведения. В рассказе Л. Е. Улицкой «Пиковая дама» «другой голос» вводится посредством цитат, реминисценций и библейских выражений.

Ключевые слова: интертекст, интертекстема, реминисценция, фразеологизм.

O. V. Kunyгина

*South Ural State Humanitarian-Pedagogical
University, Chelyabinsk*

INTERTEXT AND RECEPTIONS OF ITS INTRODUCTION IN ARTISTIC TEXT (BY THE EXAMPLE OF LEU ULITSKY'S STORY "PEAK LADY")

Annotation: The article is devoted to the study of methods for introducing intertextual units into the text of a work of art. In the story of L. E. Ulitskaya «The Queen of Spades» «another voice» is introduced through quotations, reminiscences and biblical expressions.

Key words: intertext, intertextma, reminiscence, idiom.

Каждый текст является интертекстом; другие тексты присутствуют в нём на различных уровнях в более или менее узнаваемых формах.

Р. Барт

Проблема изучения интертекста, интертекстуальности, способов и средств их выражения не случайно стала одной из самых актуальных в современной лингвистике конца XX – начала XXI вв. В первую очередь интерес к её решению связан с анализом текстов современных писателей и поэтов (Д. Пригов, Т. Толстая, В. Пелевин, Л. Петрушевская, Л. Улицкая, Д. Рубина, Б. Акунин, М. Шишкин и др.), произведения которых являют собой целую систему, выстроенную на основе «модернизации прототекстов, принадлежащих перу выдающихся людей XIX–XX вв. – философов, классиков литературы, общественных деятелей» [1, с. 77].

Термин текст достаточно однозначно толкуется почти всеми лингвистическими словарями и справочниками. Например, в энциклопедии «Русский язык» сказано, что текст – это «объединён-

ная смысловой связью последовательность знаковых единиц, основными свойствами которой являются связность и цельность» [2, с. 555].

Термины интертекст, интертекстуальность, интертекстема, как отмечает В. М. Мокиенко, «пока ещё практически не проникли в словари и справочники, но в какой-то мере прозрачны благодаря латинским корням *inter-* и *text-*, их образующим» [3, с. 5].

Термин интертекст появился в французской лингвистике, но генетически связан с русской филологической традицией. Юлия Кристева, автор термина, сформулировала свою концепцию интертекстуальности в 1967 году на основе переосмысления работы М. М. Бахтина «Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве» (1924). Французская исследовательница болгарского происхождения отмечает, что помимо данной художнику действительности он имеет дело также с предшествующей и современной ему литературе, с которой находится в постоянном «диалоге». Ю. Кристева, опираясь на понятия диалогизма и полифонизма, разработанные советским учёным, указывает на свойство любого текста вступать в диалог с другими текстами и определяет эту способность как интертекстуальность.

В настоящее время интертекстуальность рассматривается как важнейшая текстовая категория и является объектом внимания литературоведов и лингвистов: «литературоведы интересуют в первую очередь источники литературных прототекстов, а исследователя по лингвистике текста – способы включения интертекстов в художественное произведение» [4, с. 38].

Современные исследователи по-разному называют это явление: интертекстуальность, метатекстовость, межтекстовая соотносённость, коммуникативный фрагмент. Как бы при этом ни различались терминологические обозначения, понимание его разными исследователями в целом близозначно.

Интертекст, или «текст в тексте», по выражению Н. С. Валгиной, – это «введение в оригинальный авторский текст чужого текста» [5, с. 141].

С точки зрения Н. А. Кузьминой, «интертекстом называется объективная информационная (текстовая) реальность, являющаяся продуктом творческой деятельности человека, способная бесконечно самогенерироваться по стреле времени» [6, с. 95].

В своей работе мы опираемся на следующее определение интертекста, данное А. В. Савченко: это «такие текстообразующие элементы, которые, присутствуя в тексте, вызывают в сознании читателя дополнительные смысловые ассоциации и способствуют расширению смысловых границ текста» [7, с. 155]. Действительно, интертекстуальность, с одной стороны, принадлежит новому тексту, с другой – уже некогда созданному.

Способы введения интертекста разнообразны и тесно связаны с индивидуальной личностью автора. Способы и приёмы взаимодействия текстов могут быть в высшей степени сложными, оригинальными и особенно значимыми для сюжета, композиции произведения и особенно его

смысла. Причём интертекст не обязательно должен быть «чужим» для данного автора: это может быть текст самого автора, но преподне-сённый от «чужого» имени, например, от имени персонажа.

Чужой текст может быть представлен в основном тексте в виде прямого включения: это прежде всего цитирование, точное и неточное. Возможно и скрытое цитирование чужих строк, вкрапленных в авторский текст без какого бы то ни было выделения.

Это могут быть литературные реминисценции (от позднелатинского *reminiscentia* – воспоминание) – черты, наводящие на воспоминание о другом произведении, результат заимствования автором отдельного образа, мотива, стилистического приёма.

Библейские сюжеты, образы, крылатые выражения часто служат материалом для творческих преобразований в текстах художественной литературы.

Таким образом, интертекстуальные включения, благодаря контакту «своего» и «чужого», создают условия для «сущностных (как смысловых, так и структурных) трансформаций текста» [5, с. 154].

Творчество Людмилы Евгеньевны Улицкой стало одним из ярких событий современной русской прозы. Первые рассказы писательницы были опубликованы в начале 1980-х годов в Париже, а затем изданы на родине. В её произведениях сильна классическая повествовательная традиция и решаются «вечные» проблемы семейных взаимоотношений, смысла жизни, смерти, памяти, добра и зла, профессионального долга. Именно поэтому в творчестве Л. Е. Улицкой важное смыслообразующее место занимает диалог с «художественным наследием прошлого», страстное желание постичь сложность, многогранность человеческой личности.

В ходе анализа текста было установлено, что интертекстуальные элементы в рассказе Л. Е. Улицкой «Пиковая дама» [8] весьма разнообразны: «другой голос», по нашим наблюдениям, вводится посредством цитат, реминисценций и библейских выражений.

Цитата, по образному выражению Н. А. Кузьминой, «это всегда второй голос, следовательно, цитата диалогична. При этом диалогичность – вовсе не обязательно полемика: точка зрения, заявленная в цитате, может совпадать с позицией автора, но никогда не сливается с ней до тех пор, пока цитата осознаётся как цитата, т.е. высказывание другого лица» [6, с. 101]. Главное в цитате – это узнаваемость: «цитата сохраняет своё качество до тех пор, пока восстанавливается её материальная оболочка» [6, с. 102]. Чужое слово служит для автора формой выражения своего собственного смысла.

Интертекстема пиковая дама находится в абсолютно сильной позиции заглавия, которое отсылает к известному произведению А. С. Пушкина [9]. Вынесенная в позицию заглавия описываемая единица обозначает таким образом доминирующий смысл рассказа. По мере развёртывания текста обнаруживается связь интертекстемы с образом главной героини – Мур, так что цитата-заглавие приобретает конкретность.

Прямая цитата выполняет характерологическую функцию: «одним мазком» максимально точно вскрыть ведущую черту описываемого лица.

В произведении Л. Е. Улицкой приведена история жизни героини, дамы более чем преклонного возраста: сначала автор знакомит читатель со старушкой Мур, затем следуют страницы, посвящённые её молодости и зрелости, дополняемые воспоминаниями её дочери Анны Фёдоровны и монологами самой героини. История Мур во многом похожа на историю героини Пушкина: в молодости – красота, власть над мужчинами, бурная светская жизнь, в старости – бесконечные воспоминания и полное равнодушие к окружающим, а также желание повелевать и добиваться исполнения всех капризов.

Проследим эту связь, сравнив тексты двух произведений. Например, Мур из произведения Л. Е. Улицкой «всегда думала о нескольких вещах одновременно, как будто плела пряжу из нескольких нитей» [8, с. 269].

В прежние времена Мур интересовалась событиями и людьми как декорацией собственной жизни и статистами её пьесы, но с годами все второстепенное линяло и в центре пустой сцены оставалась она одна и её разнообразные желания [8, с. 269–270].

Всю жизнь ей нравилось хотеть и получать желаемое, истинная беда её была в том, что хотение кончилось, и смерть только тем и была страшна, что она означала собой конец желаний [8, с. 270].

Графиня из произведения А. С. Пушкина, «конечно, не имела злой души; но была своенравна, как женщина, избалованная светом, скупа и погружена в холодный эгоизм, как и все старые люди, отлюбившие в свой век и чуждые настоящему» [9, с. 193].

Обе героини – азартные натуры, что подтверждается текстом двух произведений.

Я была девчонка. Диадему Каспари мне подарил в двадцать втором, я тогда была за ним замужем, а проиграла я её в двадцать четвертом в Тифлисе [8, с. 263].

Самое удивительное, что подробности были неисчерпаемы, – про то, что Мур вышла замуж на пари и выиграла бриллиантовую брошь у знаменитой подруги, Анна Фёдоровна давно знала... [8, с. 269].

Однажды при дворе она проиграла на слово герцогу Орлеанскому что-то очень много. Приехав домой, бабушка, отлепливая мушки с лица и отвяывая фижмы, объявила дедушке о своем проигрыше, и приказала заплачивать [9, с. 189].

Она выбрала три карты, поставила их одну за другою: все три выиграли ей соника, и бабушка отыгралась совершенно [9, с. 189].

Обе героини имели власть над мужчинами. Тайна в ней, должно быть, действительно была, не одни только любовники млели над ней [8, с. 264].

Народ бегал за нею, чтоб увидеть la Vénusmoscovite; Ришелье за нею волочился, и бабушка уверяет, что он чуть было не застрелился от её жестокости [9, с. 188].

Единица пиковая дама зафиксирована в «Словаре крылатых выражений Пушкина» В. М.

Мокиенко и К. П. Сидоренко и имеет следующее значение: «О женщине, внешне напоминающей старую графиню, героиню повести» [10, с. 465].

И всё же А. С. Пушкин как будто добрее, снисходительнее к своей героине. А старуха Мур, по словам его бывшего зятя, «чудовище, гений эгоизма, Пиковая Дама, всех уничтожила, всех похоронила...» [8, с. 287].

В рассказе Улицкой карточная пиковая дама превращается в реальную Пиковую Даму, но только недоброжелательность её уже не тайная, а откровенная, доходящая, если что-то делается не по её желанию, до настоящей агрессии. Как ни странно, современная Пиковая Дама помогла понять пушкинскую героиню: она, унижая слабых, кротких, добрых, тешит своё властолюбие, капризничает, привередничает, живёт только для себя, являясь символом крайнего эгоизма.

Следовательно, интертекстема пиковая дама выполняет важную роль в развёртывании основных мотивов рассказа Л. Е. Улицкой и служит ключом к пониманию заложенного в нём подтекста.

Иногда интертекстемы-цитаты включаются в авторское повествование.

В ночь накануне отъезда Анна Фёдоровна и Катя почти не спали. Под утро позвонил Марек, сказал, чтоб лишнего барахла не брали, в Греции, как известно, всё есть, что он ждёт не дожидается и встретит в аэропорту [8, с. 291].

Единица в Греции всё есть относит читателя к цитате из водевиля А. П. Чехова «Свадьба» (1890), где один из героев, кондитер-грек Дымба, хвастливо заявляет в ответ на любой вопрос, что «в Греции всё есть». Эта интертекстема носит шутивно-иронический характер и необходима говорящему, чтобы подчеркнуть, что «всё у кого-либо где-либо (в том числе и в Греции) всё есть» [11, с. 148]. Л. Е. Улицкая рассматривает на то, что эта фраза относится к «социальным фоновым знаниям, то есть тем, которые известны всем участникам ещё до начала сообщения» [5, с. 16], поэтому сопровождает её вводным словом как известно.

Особую роль играют реминисценции – отсылка к более или менее известным ранее произведённым текстам в составе более позднего текста. Образование реминисценции в новом тексте основано на том, что говорящий или пишущий вспоминает какую-либо ситуацию, выражение из ранее созданных текстов и в том или ином виде включает её в новый текст. Например, в начале рассказа Л. Е. Улицкой читатель знакомится с таким эпизодом:

Проснулась она рано, если не сказать среди ночи, – четырёх ещё не было – от дурного сна. Взрослый мужчина, уменьшенный до размера большой куклы, лежал в ящике письменного стола и жаловался: «Мамочка, как же мне здесь плохо...»

Это был её сын, и сердце сжалось от горя: ничем она ему помочь не могла...

Сына же на самом деле никакого не было, была дочь, и проснулась она в ужасе оттого, что сон был сильнее яви, и в первую минуту после пробуждения она была уверена, что сын-то у неё есть, но она про него совершенно забыла [8, с.

261–262].

В этом эпизоде представлена «текстовая перекличка» с романом М. Горького «Жизнь Клима Самгина»: во время поисков утонувших Клима слышит запомнившуюся ему на всю жизнь реплику одного из взрослых: «Да был ли мальчик, может, мальчика-то и не было?»

По сведениям «Большого словаря крылатых слов и выражений русского языка», интертекстема а был ли мальчик? используется говорящим для иронического «выражения сомнения в наличии самого источника конфликта, несчастного случая, недоразумения и т.д.» [11, с. 38].

Однако в тексте Л. Улицкой прямо это выражение не упоминается, а чужие слова так вплетаются в ткань повествования, что ощущаются как достаточно скрытый намёк. Сама воспроизведённая ситуация сна подготавливает читателя к дальнейшему повествованию и «снимает» иронический оттенок, усиливая «доминанту смерти, трагичности».

Безусловно, чтобы понять и выявить эти текстовые реминисценции, необходимо наличие фоновых знаний и у автора текста, и у читателя. Такие фоновые знания – это не просто элемент эрудиции автора, они способны подчеркнуть доминантные смыслы основного текста, открыть иной смысл, рождённый в результате наложения смыслов, а также создать разные уровни восприятия текста в целом.

Ещё одной реминисценцией, выявленной нами в тексте рассказа Л. Е. Улицкой, является определение места действия произведения. Только в одном предложении автор упоминает, что дом, где живут герои, располагается в Замоскворечье. В сознании читателя возникает воспоминание о пьесах и героях драматурга А. Н. Островского, о нравах «тёмного царства», о героях, которые «поедом едят» своих домашних. Так место действия выбрано писательницей не случайно: Мур предстают ещё и неким символом «самодурства», постоянно капризничая и выражая своё недовольство по любому поводу.

Следовательно, интертекстемы-реминисценции представляют собой особый функциональный приём, позволяющий расширить рамки повествования и точнее создать образ главной героини.

Совершенно специфическую функцию выполняют библейские выражения (фразеологизмы-библейзмы, библейзмы). Они тоже опираются на фоновые знания читателей, знакомых в той или иной степени с библейскими сюжетами, персонажами Нового и Ветхого Завета. Многозначность библейских выражений, их нравственно-морализаторский потенциал, высокая степень обобщённости значения, а также связь с мировой культурой дают возможность использовать их как интертекстуальные единицы, вызывающие многослойные ассоциации у читателя. Их изначальная оценочность позволяет им кратко выражать сущность события, характеризовать лицо, выступать в качестве выражения авторского отношения.

Например, в тексте рассказа Л. Е. Улицкой встречается выражение имя им легион.

Это была лучшая страница её воспоминаний

– её знаменитые любовники. Имя им было легион. Немало бумаги было измарано в честь её бледных локонов и неизречённых тайн души лучшими перьями, а по её портретам, хранящимся в музеях и частных собраниях, можно было бы изучать художественные течения начала века [8, с. 264].

Интертекстема имя им легион зафиксирована во многих словарях крылатых слов и выражений и восходит к Новому Завету, где в одной из притч рассказывается о встрече Иисуса с че-ловеком, одержимым бесом. Желая исцелить больного, Иисус спросил: «Как тебе имя?» И он сказал в ответ: «Легион имя мне, потому что нас много». Легион – воинское подразделение в римской армии численностью около 5-6 тысяч человек, в Новом Завете употреблено переносно – ‘очень много’ [12, с. 255–256].

В рассказе Л. Е. Улицкой она включена в ткань авторского повествования и служит для выражения явно неодобрительного отношения к своей героине.

Таким образом, интертексты полифункциональны и выполняют информативную функцию, являются средством характеристики персонажа, способствует выражению авторской оценки героя и события. Интертекст – это не просто элемент эрудиции автора или «внешнее украшение», он способен подчеркнуть или проявить доминирующие смыслы основного текста, открыть иной смысл, а также создать разные уровни восприятия текста в целом.

Список литературы

1. Гашева Л. П. Интертекст как полифункциональная единица текста // Интертекст в художественном и публицистическом дискурсе: сборник докладов междуна-родной научной конференции. Магнитогорск: Изд-во МаГУ, 2003. С. 76–81.
2. Русский язык. Энциклопедия / гл. ред. Ю.Н. Карау-лов. М.: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1987. 703 с.
3. Мокиенко В. М. Интертексты и текст в сла-вянских языках // Интертекст в художественном и пуб-лицистическом дискурсе: сборник докладов междуна-родной научной конфе-ренции. Магнитогорск: Изд-во МаГУ, 2003. С. 4–27.
4. Болотнова Н. С. Коммуникативная стилистика текста: словарь-тезаурус. М.: Флинта: Наука, 2009. 384 с.
5. Валгина Н. С. Теория текста: учебное пособие. М.: Логос, 2004. 280 с.
6. Кузьмина Н. А. Интертекст и его роль в процес-сах эволюции поэтического языка. М.: КомКнига, 2006. 272 с.
7. Савченко А. В. Интертекстуальность как харак-теристика эпохи (на материале романа Й. Шкворецкого «Танковый батальон») // II Славистические чтения памя-ти профессора П. А. Дмитриева и профессора Г.И. Сафронова: материалы межд. науч. конф. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001. С. 155–157.
8. Улицкая Л. Е. Сквозная линия: Повесть. Рассказы. М.: Изд-во Эксмо, 2004. 320 с.
9. Пушкин А. С. Романы. Повести. Драматические произ-ведения. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1981. 400 с.
10. Мокиенко В. М., Сидоренко К. П. Словарь крыла-тых выражений Пушкина. СПб.: Изд-во СПбГУ; Филио-Пресс, 1999. 752 с.
11. Берков В. П., Мокиенко В. М., Шулежкова С. Г. Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка: ок. 5000 ед.: в 2 т. Магнитогорск: МаГУ; Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2008. Т. I. А–М. 658 с.
12. Дубровина К. Н. Энциклопедический словарь биб-

лейских фразеологизмов. М.: Флинта: Наука, 2010.

808 с.

References

1. Gasheva L. P. Intertekst kak polifunksional'naya yedinitsa teksta // Intertekst v khudozhestvennom i publiistsicheskom diskurse: sbornik dokladov mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. Magnitogorsk: Izd-vo MaGU, 2003. S. 76–81.
2. Russkiy yazyk. Entsiklopediya / gl. red. YU.N. Karaulov. M.: Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya; Drofa, 1987. 703 s.
3. Mokiyenko V. M. Intertekstemy i tekst v slavyanskikh yazykakh // Intertekst v khudozhestvennom i publiistsicheskom diskurse: sbornik dokladov mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. Magnitogorsk: Izd-vo MaGU, 2003. S. 4–27.
4. Bolotnova N. S. Kommunikativnaya stilistika teksta: slovar'-tezaurus. M.: Flinta: Nauka, 2009. 384 s.
5. Valgina N. S. Teoriya teksta: uchebnoye posobiye. M.: Logos, 2004. 280 s.
6. Kuz'mina N. A. Intertekst i yego rol' v protsessakh evolyutsii poeticheskogo yazyka. M.: KomKniga, 2006. 272 s.
7. Savchenko A. V. Intertekstual'nost' kak kharakteristika epokhi (na materiale romana Y. Shkvoretskogo «Tankovyy batal'on») // II Slavisticheskiye chteniya pamyati professora P. A. Dmitriyeva i professora G.I. Safronova: materialy mezhd. nauch. konf. SPb.: Izd-vo SPbGU, 2001. S. 155–157.
8. Ulitskaya L. Ye. Skvoznaya liniya: Povest'. Rasskazy. M.: Izd-vo Eksmo, 2004. 320 s.
9. Pushkin A. S. Romany. Povesti. Dramaticheskiye pro-izvedeniya. Chelyabinsk: Yuzh.-Ural. kn. izd-vo, 1981. 400 s.
10. Mokiyenko V. M., Sidorenko K. P. Slovar' krylatykh vyrazheniy Pushkina. SPb.: Izd-vo SPbGU; Filio-Press, 1999. 752 s.
11. Berkov V. P., Mokiyenko V. M., Shulezhkova S. G. Bol'shoy slovar' krylatykh slov i vyrazheniy russkogo yazyka: ok. 5000 yed.: v 2 t. Magnitogorsk: MaGU; Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2008. T. I. A–M. 658 s.
12. Dubrovina K. N. Entsiklopedicheskiy slovar' bi-bleyskikh frazeologizmov. M.: Flinta: Nauka, 20